

Про Добрыню Никитича (5)

Как во стольном городе во Киеве
Как у ласкового князя да у Владимира
Заводилосе пированье-почестный пир.
Тут и всех-то на пиру да принапоил,
Принакормил и напоил,
И все они да напилисе-то —
И стали они да каждой хва́литься:
Богатый хвастат золотой казной,
Средний хвастат своим добром,
Хвастаются все богатыри
Они своей-то да силушкой.
Тут встаёт-то Владимир-князь
И говорит-то он да такую речь:
«Ах вы все же, все да удалы молодцы,
Вы сильные богатыри,
И кто бы из вас да съездил в орды неверныя
И очистил бы дорожку прямоезжую
Как к моему-то тестю любимому?..»
Тут и все-то да на пиру приумолкли,
И все-то они да приутихли,
Как-от все они как воды набрали.
Тут-то сильный прячется за среднего,
Средний прячется за малого,
А от малого же и ответу нет.
Тут встаёт-то да Добрыня Никитич,
Говорит князю да таково слово:
«Я ведь съезжу да в Орды неверные,
Я очищу дороги прямоезжие
Ко твоёму-то тестю любимому!»
Тут и князь и говорит таково слово:
«Налейте ему чару зелена вина!»
Наливают чару ему да полтора ведра
И подносят ему чару — Никитушке.
Он берет-то да чару единой рукой,
Выпивает чару да на единый дух.

Тут пошёл-то он да закручинился,
Закручинился да запечалился.
Он подходит домой да ко своей матушке.
А тут матушка его да заметила:
«А что же ты, Добрыня, невесел так?
Что же тебя кто-то пообидели?
Или же обнесли чарочкой?»
Он: «Никто, — говорит, — меня не избидел ведь
И никто меня да не обнёс чарочкой.
А взялся да от князя Владимира
Да очистить дороги прямоезжие —
Как во той-то Орды неверныя
Была дорога неприятелем занята!»
Он и снял-то да платье хорошее
И попросил у матушки платье богатырское.
Одевается он да быстрехонько,
Он оделся ведь да весь полностью.
И сел он на коня на своего ехать.
А жена сидит, Манельфа Никулична.
И не знает сном-делом, что он поезжает.
Тут приходит да Никитина мамушка
И говорит-то ей да скоро-наскоро:
«Поезжает от тебя Никитушка,
Поезжает он да в чисто полюшко
Очистить-то да ведь чудь неверную,
Как ко князю очищать дорогу прямоезжую
Как к любимому тестю Владимира!»
Тут выбежала да Манельфа Никулична
И стала к Никити к правому стремени,
И говорит она ему да таково слово:
«Ты надолго ле да поезжаешь-то?
Когда тебя ждать домой?»
«Я поеду пока на три годочка.
Если первый год не приду, дак жди второй,
Второй год не приду, дак жди третий;
Третий не буду, так не считай живым!»
Вот поехал он в путь-дороженьку:
Первый ускорок скочил — да за пять верст,
Второй ускорок — да не могли найти.

И бьется он с чудью неверною,
И бьет он всех да беспощадное.
Он махнёт-то одной стороной,
Он махнёт в одну сторону — улица,
А в другу махнёт — переулочек.
А тут не столько он бьёт да рубит людей,
А сколько он больше бьёт да конем топчёт.
И перебил он всех да до единого.
И стал он разъезжать да по полям везде.
Манельфа Никулична да ждёт-то его домой.
Первый год глядит в окошечко:
День за днем — будто дождь дождит,
Неделя за неделей — как трава растёт,
Год за годом — как река бежит.
Прошло тому времечку три годичка —
И нет Никиты да из чиста поля.
Да она и думает:
«Выполнила я его задание —
Да еще я буду своего задания,
Еще буду я ждать три годика».
И стала смотреть да опять в окошечко.
День за днем — будто дождь дождит,
Неделя за неделей — как трава растёт,
Год за годом — как река бежит.
Прошло времечка три годика.
Ну так-то вот почти кончилось заданьице.
Приезжает тут да Алёша Попович —
Приезжает он да из чиста поля.
Заходит он да к Никитиной матушке
И говорит-то он да таково слово:
«Ваш Никитушка лежит да во чистом поле,
Он лежит да под кустиком.
Проросли-то у него волосы травой шелковой,
Так что не считайте его живым больше!»
Тут-то Владимир-князь
Со своею княгиней Апраксией,
Он ведь и стал-то да Манельфу Никуличну,
Он ведь стал-то ей да посватывать,
Он и стал-то да за Алёшу Поповича,

За Алёшу Поповича подговаривать.
Тут Манельфа Никулична позабыла,
Позабыла одну заповедь Никитушки,
Что он говорил-то за Алёшу Поповича —
Не ходить-то он велел да ей приказывал.
Но она всё это позабыла-то
И посукнулась идти за Алёшу Поповича.
И тут-то у них да начался пир.
А Никита-то ездил да во чистом поле.
Он ведь тот-то день да спал: раскинут был,
Раскинут был шатёр — он в шатру своем отдыхал,
Он и спал-то да богатырским сном.
Тут стучит-то конь да своими ногами,
Розбуждает он да ведь Никитушка:
«А что ты спишь, да ведь Никита, прохлаждаешься?
У тебя-то жена да взамуж пошла,
Она взамуж пошла — да уж пир идет,
Пир идет уж во полупира!»
Тут соскакиват да Добрынюшка,
Седлает он да своего коня,
Он-то свертывает своё имущество.
И поехал он да прямо на родину:
Он-то реки, озера он вплавь спускал,
Мелки реки с кряжу на кряж перескакивал,
Мелки он леса, кусты промеж ног спускал.
Приезжает он да ко своему двору.
Приворотников он не спрашивал — отталкивал,
И придверников он и пору не знал,
И всех прислугов не почитал — отталкивал.
И заходит он да в гридню ли свою:
Крест кладет да по-писаному,
Кладет поклон да по-учёную
И здороваётся он да со своей матушкой:
«Здравствуй, да моя матушка!»
Тут-то все да идут жалуются
Приворотники и придверники,
И все идут и жалуются:
«Приехал какой-то да невежество
И всех-то нас да отталкиват,

И всех-то на<с> да <в> пору не знат!»
Говорит-то да Добрынина матушка,
Говорит-то ему да таково слово:
«Ох, не приехал бы да ты, невежество,
Ох, да не отталкивал да всех моих работников,
Кабы было у меня да дитятко,
Дитятко да был Добрынюшка:
Он бы дал бы тебе тут разгуливать!»
Тут и говорит-то Добрыня Никитич, говорит-то:
«Да я самый есть Добрыня-то,
Я Добрыня-то да твой ведь сын!» —
«Ты не ври-ко-се, да добрый молодец!
Ну-ко скинь-ко-се сапог с правой ноженьки:
У моего-то сына есть родимо пятнышко».
Он ведь быстро да скидает сапог
И показывает е<й> да это пятнышко.
Тогда узнала его да матушка.
И говорит-то да она Добрыне-то:
«А твоя-то жена да взамуж ушла,
А взамуж ушла да за Алешеньку,
За Алёшу да Поповича:
Уж пир идет да во полупира!»
Тут говорит-то Добрыня своей маменьке:
«Возьми-кось у меня все да платье дорожное,
А принеси-ко мне да платье скоморошное».
Тут и мамушка да все убрала у него.
И приносит платье скоморошное.
«И принеси-ко мне ещё гусли шелковые (щелковые) —
Я пойду-то на бал ко князю там!»
Оделся и пошел быстренько.
Он приходит да к ним воходит в дом,
Он заходит да тут им к пиру,
И заходит — и садится на печной-то столб.
На печном столбу сидит и заиграл во свои гусли,
Во свои гусли он да <...> — тут всем понравилось,
Всем понравилось, и князю Владимиру.
Тут встаёт-от да Владимир-князь
И говорит-то ему да таково слово:
«Уж ты добрый да добрый молодец,

Ты садись-ко се к нам да за дубовый стол.
Я тебе даю да три ведь местичка:
Первое место даю возле меня,
Второе место — насупротив меня,
А третье место даю — куда сам желашь!»
Он не сел-то да возле князя,
И не сел-то он да насупротив князя:
Он и сел-то да супротив жены.
Тут князь Владимир говорит:
«Несите ему да чару зелена вина!»
Он выпивает зелена вина,
Он подносит да чарочку ко своим губам —
И опускает перстень золотное,
И подает-то он да Манельфе Никуличне:
«Ну-ко выпей да от меня чарочку!»
Она берет-то чарочку да и пьет,
Пьет-то она да останавливается.
Он говорит-то ей да таково слово:
«Пей ты чарочку до дна.
Выпьешь до дна, дак увидишь добра,
А не допьёшь до дна — да не увидишь добра!»
Она пила да эту чару да все останавлива <...> —
(Он потом-то ей да там и подговаривал.)
Тогда всю она да эту чару да допила.
Как до донышка пригнула,
Подкатил к ней перстень.
Он' берет перстень ейной именной,
Накладывает на руку — как есть на ней.
Тут встает она, говорит таково слово;
«Не тот муж, сидит который возле меня,
А тот муж — сидит да супротив меня!»
Тут-то все на пиру да изужахнулись.
Добрыня-то да тут разнервничал,
Раскипело его сердце богатырское —
Он хватает Алешу Поповича,
Он хватает его да за желты кудри
И вытаскиват его да через дубовый стол.
И хотел его ударить да во кирпичный пол.
Но тут-то Илья захватил-то его,

Захватил-то его за руки:

«Не бей ты его безвинного,

Он уже не виноват тут!

Тут виновен князь со княгинею:

Они сосватали за него Манельфу Никуличну —

Евонной вины нет совсем!»

(А вот как же тут нет? Есть ведь! Обманул он матушку-то!)

Взял-то ее — да и повел домой.

(И тут-то сей песни конец

Про Добрыню про Никитича.)

(Зап. В. И. Харитоновой в январе 1978 г.: д. Лебское Лешуконского р-на — от О(А)ксенова Егора Трофимовича, 87 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.:

Классика, 2001. Т. 3: Былины Мезени: Север Европейской России. — 2003.